

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27>Исследовательская статья
Поступила в редакцию: 20.12.2020
Принята к публикации: 04.03.2021**Людмила Петровна АНУФРИЕВА**Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, Москва, 125993, Российская Федерация
lpanufrieva@msal.ru
ORCID: 0000-0002-5132-879X

ПРИНЦИПЫ В СОВРЕМЕННОМ МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ (НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПОНЯТИЯ, ПРИРОДЫ, ГЕНЕЗИСА, СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИЯ)

ВВЕДЕНИЕ. Настоящая публикация продолжает обсуждение, прицельно начатое журналом в 2017 – 2019 гг. [Абашидзе, 2017; Нефедов, 2019] и в известной степени продолженное в 2020 г. [Вылегжанин, Потье, Торкунова, 2020], одной из «столбовых» для правовой теории проблем, ассоциируемых с международным правом, которая касается принципов. Предмет рассмотрения обусловлен рядом нетипичных для любой области науки обстоятельств, когда в ней имеется весьма значительное количество расходящихся не только по наименованию, но и по содержанию терминов, относящихся к краеугольным понятиям соответствующей сферы или раздела конкретной отрасли знаний.

Для науки международного права подобная ситуация сложилась в связи с существованием довольно широкого спектра различных обозначений, касающихся его принципов, и вытекающей отсюда необходимостью доктринальной их разработки. В свете этого в круге внимания закономерно должны были оказаться генезис, историческое развитие, природа, функциональное назначение и роль принципов в теории и практике международного права, в том числе основных принципов как основополагающих его нормы, являющихся принадлежностью всей системы международного права. Они, как представляется, составляют самое уязвимое ме-

сто в современной теории международного права ввиду очевидного разноцветья понятийно-терминологической палитры. Немаловажно, что список выдвигаемых предложений по наименованиям в связи с принципами растет день ото дня и к «устоявшимся» обозначениям прибавляются новые. Так, перечень «основных принципов» и «общеизвестных принципов и норм международного права», «принципов общего международного права», «общих принципов сотрудничества» (п. 1 ст. 11 Устава ООН) в той или иной области, а также «общих принципов права», «общих принципов права, признанных цивилизованными нациями» и т. д. в последнее время пополнился «общими правовыми принципами», «базовыми принципами» и «общими принципами международного права».

Умножение встречающихся ныне уже не только в литературе негативных оценок современного правового регулирования международных межгосударственных отношений, диапазон которых довольно масштабен, свидетельствует о том, что тематика, относящаяся к принципам международного права, является, во-первых, фундаментальной для квалификации содержательной составляющей теории международного права, ибо непосредственно связана с краеугольными вопросами науки, изучающей рассматриваемую систе-

му права, а во-вторых, чрезвычайно актуальной ввиду не прекращающихся атак на действенность международного права как такового (иногда вплоть до полного отрицания последнего даже в выступлениях официальных представителей государств). В итоге растущий скепсис по поводу эффективности его принципов переходит в недоверие ко всему международному праву. Следовательно, необходимыми шагами на пути достижения важнейшей цели повышения авторитета МП представляются: уяснение существа понятия «принцип», идентификация и дифференциация явлений, соответствующих отдельным позициям в вышеприведенном перечне, выстраивание их типологии, а также установление соотношений между некоторыми из них. Ряд перечисленных аспектов составляет предмет в настоящем, другой их части должно быть отведено место в содержании самостоятельной публикации.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Анализ, проводимый в статье, базируется на нормативном и доктринальном материалах, отражающих позитивное («положительное») международное право и акты правоприменения, иные документы, в том числе доклады и разработки Комиссии международного права ООН, решения Международного суда [ООН] и других международных судебных учреждений, органов международных организаций, а также взгляды наиболее известных ученых и практиков в сфере международного права и истории его науки, которые относятся к теме данной публикации. Исследование оперирует методами диалектического материализма, структурного и системного анализа, формальной логики, дедукции и индукции, сравнительного правоведения, формально-юридического анализа, использует историко-ретроспективный подход. Последний особенно значим для осvětления генезиса, эволюции и существа понятия «принцип права», юридической природы принципов в международном праве.

ОБСУЖДЕНИЕ И ВЫВОДЫ. «Принципы международного права», в том числе и отправное понятие «основные принципы», а также связанный с ними ряд иных конструкций исследуются в статье и как явление позитивного международного права, и как категория науки международного права. Для отечественной международно-правовой науки понятие «принципы» / «основные принципы международного права», обеспечивая целостность и единство системы МП, играет роль одной из ведущих ее категорий. Различия между «понятием» и «категорией» в инструментарии теории международного права определяются по-

ступатами, выработанными философской наукой. Вместе с тем в понятийно-терминологическом плане международно-правовая теория характеризуется определенным разрывом в позициях, предлагаемых отечественной и западной юриспруденцией. Концептуальные подходы последней к понятию «принципы» («основные принципы») и обусловленные ими решения радикально отличаются, поскольку термину «принципы» нередко придается в большей степени ненормативный, идейный либо телеологический смысл, а функции руководящих норм в рамках международного права отводятся категории «императивных норм общего международного права» (*jus cogens*).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Тема статьи ставит цель раскрыть сущность разнообразных конструкций, оперирующих элементом «принципы», или сходных с ними явлений в аспекте международного права. В ходе исследования системообразующей роли основных принципов МП и компаративного сопоставления их с *jus cogens* («императивными нормами общего международного права») установлено, что в широкой международной практике нет причин игнорировать в подлежащих случаях термин и понятие «основные принципы» при подходе к «императивным нормам общего международного права» (*jus cogens*), поскольку по ряду параметров они фактически не отличаются. В обеих категориях иногда присутствует внешнее несоответствие (неполное соответствие) критериям «императивных норм общего международного права» (частичная, или неполная, «когнитивность» / «недопустимость отступления»), особенно если подходить к этому формально-догматически, без всестороннего учета полноты юридического содержания нормы. Совокупность тезисов, выдвигаемых для решения перечисленных и сопутствующих задач, на основе избранного в исследовании теоретического подхода образует в целом, как представляется, новое направление в правоведении, причем не только отечественном, но и зарубежном, ввиду отсутствия в мировом масштабе полновесных, развернутых исследований по предмету с подобным дискурсом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: генезис, природа, понятия и категории международно-правовой науки, система принципов международного права, основные принципы, базовые принципы, общепризнанные принципы международного права, императивные нормы общего международного права, *jus cogens*, общие принципы права, общие принципы права, признанные цивилизованными нациями

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ануфриева Л.П. 2021. Принципы в современном международном праве (некоторые вопросы понятия, природы, генезиса, сущности и содержания). – *Московский журнал международного права*. №1. С. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27>

doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

ISSUES OF THEORY OF INTERNATIONAL LAW

DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27>

Research article
Received 20 December 2020
Approved 4 March 2021

Ludmila P. ANUFRIEVA

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 125993

lp-anufrieva@msal.ru

ORCID: 0000-0002-5132-879X

PRINCIPLES IN MODERN INTERNATIONAL LAW (CERTAIN ISSUES OF CONCEPT, NATURE, GENESIS, SUBSTANCE AND SCOPE)

INTRODUCTION. *This publication follows up the well-aimed discussion recently initiated by the journal in 2017-2019 [Abashidze, 2017; Nefedov, 2019] and to a certain extent continued in 2020 [Vylegzhanin, Potier, Torkunova, 2020], regarding one of the "pillar problems" for the legal theory pertaining to international law, which concerns its 'principles'.*

The subject-matter of the study is determined by a number of circumstances that are atypical for any field of any science, when there is a variety of terms differed not only in name, but also in content, which relate to the cornerstones of relevant field or section of a particular branch of knowledge. As far as the international law science, this situation has been due to the availability of a wide range of different designations concerning its principles, and resulting the need to thoroughly peruse the same. Due to the above, genesis, historical evolution, nature, functional destination and role of the principles in the theory and practice of international law, including its basic principles as its normative grounds, which belong to the entire system of international law, should naturally be under thorough consideration. They seem

to constitute the most sensibly weak point in the modern theory of international law due to obviously "multicolored" conceptual and terminological spectrum. It is important that the list of terms forwarded in relation to the principles is growing from day by day, and new ones are being added to the designations as "set-forth" to date. Thus, the afore-referred list encompassing "basic principles" and "generally recognized principles and norms of international law", "principles of general international law", "general principles of co-operation" (Article 11, para 1, of the UN Charter) in a particular field, as well as "general principles of law", "general principles of law recognized by civilized nations", etc., has recently been supplemented with "general legal principles", "basis principles" and "general principles of international law".

The impressive range of the above concepts that are somehow found in the scholars' writings and practice of international law frequently implicates the contradictory interpretations and unavoidable collisions in the course of conceiving the sense of and applying the norms, which accordingly require reducing ambiguities

and therefore ensuring better regulation. To achieve the same, the only one thing may be effective – that is by way of revealing the fundamental properties of respective phenomena.

Increase of negative assessment of current legal regulation of international relationships happening not only in literature, which the occurrences are quite frequent, evidences that the topics related to the principles of international law, are, firstly, not only fundamental issues to qualify the substantive component of the theory of international law, since it is directly with the core matters of legal science that studies the captured system of law, but also stand as extremely acute point because of the continuous attacks on the effectiveness of international law as such (to the extent of complete denial of the same even in public statements made by official spokesmen of States), – secondly. Resultant from this, the growing skepticism about the effectiveness of principles gives raise mistrust in international law in whole. Therefore, the major steps required towards achieving the most important goal in the matter of raising high the credibility of the international law shall be deemed as follow: to conceive the essence of the concept of "principle"; identify and differentiate the phenomena corresponding to individual positions in the afore-referred list; construe the typology thereof, as well as reveal the relationship between some of them. A number of the said aspects are subject to be examined herein, while the rest of them should be given specifically a place within the scope of another publication.

MATERIALS AND METHODS. The analysis undertaken in the article is based on normative and doctrinal materials that reflect the positive international law and law enforcement acts, other documents, including reports and research presentations of the UN International Law Commission, judicial decisions or advisory opinions of the International Court of Justice and other international judicial institutions, acts of international organizations, as well as the teachings of the most highly qualified publicists and practitioners in the field of international law and its history, which relate to the topic of this publication. The research enjoys both general and specific principles and methods of analysis: dialectical materialism, structural and system approaches, formal logics, deduction and induction, comparative law, historical and retrospective approach. The latter one is particularly fruitful for study of genesis and essence of the concept "principle of law", legal nature of principles in international law.

RESEARCH RESULTS. The essay purports to reveal the essence of various designations construed on the basis of the element "principles", or similar phenomena in the aspect of international law. In the course of research

aiming the system-forming role of the basic principles of the IL and the comparative analysis thereof with *jus cogens* ("peremptory norms of general international law»), the findings are that there is no reason for wide international practice to ignore the term and the concept of "basic principles" in cases when approaching to the concept of "peremptory norms of general international law" (*jus cogens*), since they do not substantially differ in a number of parameters. In both categories, sometimes it seems to appear a discrepancy or incomplete compliance with the criterion of "peremptory norms of general international law" (e.g. partial "*opinio juris cogentis*" / "non-derogability"), especially from formal-dogmatic stand, viz. with no comprehensive view on full legal scope of a rule of law. The totality of the theses put forward to solve the listed and other related problems on the basis of the approach laid down in the study from a theoretical point of view, as a whole, seems to form a new vector in legal theory, not only domestic, but also international, due to the lack of full-fledged, detailed research on the subject with such a discourse on a global scale.

DISCUSSION AND CONCLUSIONS. "Principles of international law", including the initial point, i.e. the concept of "basic principles", as well as a number of other notions connected with them, are subject to examination in the article, both as a phenomenon of positive international law and as a category of legal science (that one of international law). For Russian science of international law, the concept of "principles" / "basic principles of international law", securing the integrity and entirety of the IL system, performs the role of one of its major categories. The differences between "concept" and "category" in the tools of the theory of international law are determined by the postulates substantiated by philosophy. At the same time, in part of concepts and terminology, the international legal theory is characterized by a certain gap in the positions forwarded by domestic and Western jurisprudence. Conceptual approaches to the "principles" ("basic principles") and the resulting discrepancies in opinion quite radically differ, whereas to the term "principles" it is often attributed rather non-normative, ideological or teleological significance, while the functions of the norms having hierarchically superiority over other rules in international law, are allocated to the category of "peremptory norms of general international law (*jus cogens*)".

KEYWORDS: genesis, nature, concepts and categories of international law science, principles in international law, basic principles of international law, generally recognized principles of international law, peremptory

norms of general international law, jus cogens, general principles of law, general principles of law recognized by civilized nations

FOR CITATION: Anufrieva L.P. Principles in Modern International Law (Certain Issues of Concept,

Nature, Genesis, Substance and Scope). – *Moscow Journal of International Law*. 2021. No. 1. P. 6–27. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2021-1-6-27>

The author declares the absence of conflict of interest.

1. Генезис понятия «принцип» в международном праве

Научная разработка категории «принцип международного права» не может похвастаться многочисленностью фактов обращения к этому предмету со стороны мировой доктрины, в немалой, очевидно, степени потому, что термин «принципы» в его современном звучании – явление относительно недавнее в объективном праве и международно-правовой науке. Во всяком случае в юридической литературе царской России конца XIX – начала XX в. бытовало обозначение «начало»¹. Об отсутствии терминологии, оперирующей понятием «принцип международного права», свидетельствуют сочинения дореволюционных российских авторов указанного периода (А.М. Горовцева, И.А. Ивановского, Л.А. Камаровского, П.Е. Казанского, М.Н. Капустина, Н.М. Коркунова, Д.П. Никольского, Ф.Ф. Мартенса и др.)².

Иностранная же доктрина, хотя и пользовалась термином «принцип / принципы», воспринимала словосочетание «принципы международного права» (англ. – principles of international law) гораздо чаще совсем иначе – в отрыве не только от буквальная его трактовки, но даже отступая от понятия «начала» и склоняясь больше к значению «общие положения», «исходные тезисы» или «суждения и представления», что следует из юридической литературы, относящейся уже к XX в. Подтверждение этому можно найти в некоторых из хрестоматийных тру-

дов по международному праву 1950 – 1960-х гг. Так, в известной работе Й. Броунли «Принципы международного публичного права», выдержавшей множество переизданий (последнее вышло в свет под редакцией Дж. Кроуфорда), современный подход к интерпретации термина «принцип» (тем более «основные принципы») практически не продемонстрирован и понятие «принципы международного права» не раскрыто [Crawford 2019]. Лишь «эпизодами» в этом плане можно счесть два раздела в указанном труде, озаглавленные «Общие принципы права» и «Общие принципы международного права» [Crawford 2019:15–19]. При этом последняя, как отмечает сам автор, «может относиться к нормам обычного права, общим принципам права в контексте ст. 38 (1) (с) Статута (Международного суда [ООН]. – Л.А.) или к логическим утверждениям, вытекающим из аргументации суда, основанной на существующем международном праве либо аналогиях из внутригосударственного права» [Crawford 2019:18]. Примечательно, что оба раздела помещены в главу «Источники международного права», входящую в содержание отдельной части работы «Вводные положения». Правда, надо признать, что в отдельных главах присутствуют соответствующие «общие принципы», выражающие, как представляется, сущность рассматриваемого блока международного права и регулируемых его нормами международных отношений (в том числе гл. 25 «Защита индивидуумов и коллективные права»: права человека и право на самоопределение», которая оперирует

¹ Отталкиваясь от значения, придаваемого «началам», скажем, в древнегреческой литературе (см. «Начала (Элементы)» Евклида о систематическом построении геометрии и теории чисел), под «началами» понимаются отдельные базовые элементы, из которых состоит наука (у Евклида применительно к математике – определения, аксиомы, постулаты, предложения и теоремы). Схожее понимание наблюдается и в римском праве: так, первая часть в «Дигестах Юстиниана» называется Prota (древнегр. – начала), куда входят наиболее общие положения права и судопроизводства (см.: *Дигесты Юстиниана. Т. 1*. Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут. 2002. С. 14).

² Любопытно, что и сегодня в российской правовой действительности можно заметить предпочтение обращения к терминам «начало / начала», а не к понятиям «принцип / принципы»: к примеру, ст. 1 Гражданского кодекса РФ озаглавлена именно таким образом: «Основные начала гражданского законодательства».

термином «общие принципы международного гуманитарного права» [Crawford 2019:538]; вопросы «дипломатической защиты физических лиц и обществ» [Crawford 2019:500], правового положения иностранных граждан [Crawford 2019:512], некоторые аспекты права международной ответственности). Нетипичной в свете этого для работы Й. Броунли в целом выглядит гл. 13, посвященная охране окружающей среды, в рамках чего рассматриваются «принципы права охраны окружающей среды» [Crawford 2019:273–282]. Однако опять-таки нельзя не подчеркнуть: квалификация отдельных положений международного права как его *принципов* (тем более основных принципов) отсутствует. Приблизительно то же можно сказать и в отношении легендарного произведения крупнейшего ученого-юриста XX столетия Г. Кельзена «Принципы международного права» [Kelsen 1952], поскольку собственно принципы в нем так и не стали предметом анализа, зато обстоятельно и самобытно, с воплощением авторских концепций, получивших мировую известность, изложен основной курс международного права. Правда, данного автора следовало бы счесть больше других приблизившимся к проблематике принципов в собственном смысле слова хотя бы потому, что кельзеновская категория «базовой нормы» вплотную примыкает к международно-правовому понятию «принцип». В целом же в западной литературе практически не встречаются курсы международного публичного права, тексты которых оперировали бы внушительными разделами или развернутыми научно-теоретическими положениями, посвященными строго формулируемой категории принципов. Не являются исключениями в данном случае ни солидные издания, ставшие классикой современной теории международного права [Shaw 2017; International Law...2006], ни менее крупные публикации³. Сказанное не означает, что мировой и конкретно зарубежной литературе вовсе не свойственны работы, касающиеся существа проблемы принципов междуна-

родного права⁴. Предположение подобного рода легко опровергается внушительным списком публикаций по данной тематике, приведенным в отечественном «Курсе международного права» [Курс международного права...1989:5-6].

Исходная линия в трактовке вопроса о возникновении и последовательном формировании принципов МП не может не проходить через рассмотрение их генезиса и эволюции в ходе и под влиянием соответствующих исторических процессов, которое, помимо прочего, вмещает в себя, разумеется, и анализ восприятия указанного зарубежной доктриной в части понимания, определения существа, развития и обновления, современного юридического содержания, равно как и палитры терминологических подходов и предпочтений. Такая *гамма* разнообразных аспектов, составляющих *фундамент* крупнейшей части международно-правовой науки, явно не может быть освещена в одной публикации. В связи с этим остановимся лишь на некоторых моментах, образующих «несущие» конструкции в позитивном международном праве и современном правоведении.

За отправную точку в этом плане следует принять исследование понятия «принцип права» как общеправовой категории. Ввиду подобной заданности, обращаясь к различным интерпретациям понятия «принцип права», нелишне подчеркнуть, что западная система представлений о праве, его происхождении и функционировании традиционно связывается с естественным правом в опоре на идеи и труды многих поколений мыслителей прошлого (греческих и римских юристов и философов: идеалистов, утопистов, позитивистов и т.п.). Так, дихотомия «град Божий – град земной» из учения Аврелия Августина⁵ переросла в триаду Грациана, обозначающую иерархическую последовательность: «божественное право – естественное право – положительное право людей», которая образует центральный подход к базовым представлениям о западной правовой системе [Берман 1998:147].

³ В связи с упоминанием о менее известных изданиях стоит указать, что даже в публикациях, посвященных специально «российским подходам» к международному праву, которые, как замечено ранее, тем и отличаются, что на первый план ставят как раз принципы (основные принципы), вопрос о них в названном аспекте не отражен (см. произведение эстонского автора: [Mäliksoo 2015]. Для французской литературы также не характерно внимание к принципам международного права. Так, есть, к примеру, учебные курсы международного права, в содержании которых фигурируют только «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями». См.: [Alland 2019:178–81].

⁴ Одной из редких работ, посвященных специально основным принципам международного права, является публикация, вышедшая в свет по следам Декларации ГА ООН о принципах международного права 1970 г. См.: [Dohna 1973].

⁵ Произведение Аврелия Августина «О граде Божьем» (*De Civitate Dei*) создано в 413–427 гг. н.э.

В существе же данных концепций лежит учение Аристотеля (384–322 гг. до н.э.), полагавшего, что «утвердительное», «действующее» (или, говоря современным языком, «положительное», т. е. «позитивное») право воспринимается людьми в качестве *составного феномена естественного права* (курсив мой. – Л.А.), с одной стороны, и права, устанавливаемого человеком, – с другой [Аннерс 1994:36-37].

В дальнейшем основами правового развития послужили «всеобщие справедливые правила поведения», впервые сформулированные Г. Гроцием в первой половине XVII в. Хотя они также выводились из естественного права, это не мешало выстраиванию их в *рациональную систему*, пригодную и для международных отношений [Фогельсон 2013:41], базирующуюся на небольшом числе принципов, которые заключались в утверждении справедливости, равенства (особенно равенства в правах), неприемлемости неравенства, в том числе, к примеру, постулатов о «правлении с помощью права», о том, что «право выше власти», выше воли властителя и стоит над любыми сословными различиями [Аннерс 1994:216]. А это означало не что иное, как то самое «положительное право» людей.

Отечественная (советская и российская) правовая доктрина, нередко с негативным оттенком квалифицируемая как «нормативистская», сформировала устоявшуюся часть своих представлений в отношении такого явления, как принципы, и прежде всего, основные принципы, международного права. Сформулированное в «Курсе международного права» определение выделяет в них ряд отличительных черт: прежде всего их особый характер как юридических норм, историческую обусловленность, общепризнанность, наиболее высокое положение в иерархии *норм* и высшую юридическую силу [Курс международного права...1989:5].

Напомним, что Г.И. Тункин под принципами международного права понимал «наиболее широкие и важные его нормы». Основными принципами, согласно его точке зрения, являются «общепризнанные принципы международного права, имеющие наибольшее значение для решения основных проблем современных международных отношений» [Тункин 1983:33]. В то

же время здесь наблюдается соединение двух понятий: «основные принципы» плюс «общепризнанные принципы», и тогда это называется *idem per idem*. Э.А. Пушмин подходит к этому (судя по отсутствию специальных указаний об ином) как к общетеоретическому определению основных принципов, развернув его и сделав более пространным: «Это прежде всего исходные, основополагающие начала системы права, синтезированно отражающие ее сущностные свойства как определенного социального феномена. В то же время, будучи закрепленными в определенной совокупности юридических норм как общезначимых, общепризнанных и общеобязательных требований и поведения, они отражают конкретное нормативное содержание данной системы права» [Пушмин 1980:76]. Думается, нельзя не заметить в построениях крупных теоретиков вуалирования сущности выражений за схожими внешними формами, присутствующего в их высказываниях: основные принципы международного права имеют «наибольшее значение для решения основных проблем современных международных отношений», это – «исходные, основополагающие начала системы права», «синтезированно отражающие сущностные свойства системы», представляемые в виде «общезначимых», «общепризнанных» и «общеобязательных требований и правил поведения». Пожалуй, здесь явно не хватает конкретики: что есть «общезначимость», а что – «общепризнанность» и, наконец, «общеобязательность»? За чрезвычайно общими фразами не просматриваются ответы на вопросы, за счет чего формируется «общепризнанность» или складывается «основополагающий» характер определенных международно-правовых норм, квалифицируемых в качестве основных принципов. Несомненно, упомянутым ученым на момент опубликования приведенных высказываний была известна категория *jus cogens*, – тогда предстает загадочной причина, почему «основные принципы» (или «общепризнанные принципы») международного права не соединялись с таковой и не рассматривались через призму всей гаммы критериев, предъявляемых к «императивным нормам общего международного права»⁶. Разумеется, подходя к данной «загадке» с позиций принци-

⁶ Надо сказать, что сама Комиссия международного права ООН не находит определения того, что такое «общее международное право». См.: Комиссия международного права ООН: Первый доклад о *jus cogens*, подготовленный Специальным докладчиком г-ном Дире Тлади. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/CN.4/693> (дата обращения: 10.01.2021)

па историзма, можно разглядеть определенное объяснение – причина, скорее всего, проста и коренится в известном «противостоянии двух систем»: попытки что-то усвоить или перенять из «западных образцов» были бы восприняты как идеологически несовместимые с пролетарским интернационализмом, социалистическим строем и т. д. Следовательно, обращение к *jus cogens* в целях адаптации западных конструкций и международно-правового инструментария, применяемого «другим крылом» международного сообщества, а по большому счету – как раз и обрести в целом это «общее международное право», стремясь совместить «основные принципы» с *jus cogens*, казалось невозможным. Как представляется, эта задача не выглядит простой и по сей день.

Аналитики нынешнего этапа при взгляде на понятие общепризнанных принципов и норм международного права уже не задумываются об их измерении – «императивных нормах общего международного права» (*jus cogens*), что, в общем-то, могло бы иметь место, как и не исследуют сущность или содержательную сторону самого явления принципов, а, вероятно, всецело полагаясь на предшественников, решают вопросы условий их формирования [Ромашев 1999], хотя на неподвзятый взгляд добиться результата в этом, не имея перед собой четкости в формулировании того, что же «формируется» и выступает предметом в данном процессе, пожалуй, не слишком перспективно.

В разные эпохи в понятии «принцип» подчеркивалась прежде всего идейная составляющая его содержания. Вместе с тем, по утверждению Гегеля, идея, заложенная в принципе как категории научного познания, является «самим по себе определенным понятием, есть практическая идея, действие» [Гегель 1972:281]. Подобный подход к принципу в виде акцентирования «практической идеи», его «действия» означает на самом деле не что иное, как гипотезу о «трансцендентности» идей в ситуациях с правовыми принципами и возможным дрейфе (в подлежащих случаях) в сторону качеств нормативности, причем сказанное не отрицает того, что идейное и нормативное в принципах международного права присутствует органично, во внутреннем единстве друг с другом. При этом применительно к решению общеправовой проблемы принципов права важно согласиться с логически и сущностно верным тезисом одного из исследователей советского периода относи-

тельно того, что «принципы права, выражаясь в юридических нормах, не могут существовать вне права, – иначе они будут принципами или категориями других, неправовых социальных явлений» [Семенов 1964:20].

Параллельно этому западная школа международно-правовой науки в части изучения понятия «принцип» в лице Д. Анцилотти утверждала, что международное право состоит из норм, имеющих своим источником определенные принципы [Анцилотти 1961:59]. Очевидно, что в таком случае автор придает принципу значение, несомненно выходящее за рамки только нормативной его природы и формально-юридического подхода к его пониманию, поскольку затем возникающие нормы способны воспринимать не только нормативное выражение принципа, но и соответствующую идейную его основу. Напрашивается вывод, что все последующее развитие теории международного права должно бы идти по пути укрепления концепции *гармоничного сочетания* в категории принципов международного права нормативного и идейного с превалированием все же нормативного. Однако известна дифференциация *правовых принципов и норм*, бытующая в обычном праве: первые, как правило, не создают прав и обязанностей, будучи используемыми скорее для целей толкования норм. На этой основе авторы комментария Устава ООН высказали гипотезу относительно того, что в этом направлении могло идти и восприятие понятия «принципы» в ст. 2 Устава ООН. В этом плане, как подчеркивается в работе, применение термина «принципы» в ст. 2 несколько вводит в заблуждение, так как является неоспоримым и фактически бесспорным, что п. 2–7 ст. 2 налагают конкретные обязательства на государства-члены и непосредственно на саму организацию [The Charter...2002:64]. Характерно, что авторы комментария положение п. 1 ст. 2 считают «простым, хотя и очень важным принципом» в «обычно-правовом контексте», т. е. не располагающим нормативностью. Примечательна точка зрения и А. Фердросса, который в свете этого полагал, что взаимосвязь между содержанием ст. 1 и 2 Устава («целями» и «принципами») с внешней стороны простирается дальше интерпретационных целей (толкования), поскольку граница между первыми и вторыми не имеет четких очертаний [Verdross, Simma, 1984].

Приведенные фрагменты крайне важны для содержания настоящей статьи: во-первых, они отчетливо демонстрируют понимание сути

принципов зарубежной международно-правовой доктриной; во-вторых, в них раскрываются, соответственно, и отличия, существующие между отечественной и западной трактовками понятия «принципы» в международном праве; в-третьих, в их содержании присутствует ответ на ряд существенных вопросов, в том числе и применительно к «пересечениям» понятий «принципы международного права», *jus cogens* и «основные принципы» / «принципы Устава ООН».

Упоминание о «практическом действии» идеи и дальнейшее развитие этих положений в целом приводило к неизбежным заключениям, имеющим краеугольное, непосредственно юридическое значение: принципы – это «основополагающие нормы международного права современной эпохи, нормы с широчайшим кругом адресатов, нормы категорические, нормы обязывающие и одновременно запрещающие» [Бобров 1968:73], которые тем самым подытоживают формулы, выражающие суть принципов в международном праве. Исключительную роль перечисленное играет и в квалификации основных принципов, образующих «становой хребет» современного МП.

Опираясь на изложенное, важно сделать и еще ряд замечаний: во-первых, принципы в международном праве – это нормы в строгом понимании термина, т. е. собственно правила поведения субъектов международного права, устанавливающие их взаимные права и обязанности; во-вторых, они суть императивные нормы, следовательно, правила поведения, не допускающие отступления в силу соглашения сторон (субъектов международного права), за теми исключениями, которые установлены непосредственно действующим международным правом; в-третьих, если это основные принципы, то речь идет о нормах, обладающих самым высоким иерархическим статусом в системе международного права в целом, а в зависимости от принадлежности принципа к категории отраслевых – в соответствующих его подсистемах (отраслях / подотраслях), системный характер которых в свою очередь отнюдь не устраняется.

2. Основные принципы и *jus cogens*

Исходным императивом в научных разработках такого явления, как принципы в МП, служит необходимость выстраивания соответствующих понятийных рядов и иерархии принципов в целях формирования их системы. Однако этот аспект несомненно может стать специальным предметом исследования, превышающим рамки одной статьи. В то же время *незыблемое мнение, сложившееся* в отечественной международно-правовой науке, *состоит* в том, что центральное звено в системе принципов международного права и норм, имеющих наивысшую юридическую силу, образуют «основные принципы», на которые и нужно направить главное внимание. Вести речь о принципах и, в частности, об основных принципах современного международного права, в котором действуют не только отдельные государства или их союзы (объединения), но и *международное сообщество* как таковое, затруднительно в отрыве от исторического дискурса. И ранее, и ныне без *признания* в достаточно широком международном масштабе каких-либо правил поведения, тем более особых, или руководящих, предписаний, в том числе и принципов, в качестве *юридических норм*, не могло бы состояться ни само международное право, ни его принципиальная основа, ни *jus cogens*⁷, хотя количественная и качественная меры «достаточности» несомненно разнятся. В сегодняшних условиях подобное происходит в международной жизни консолидированно, нередко с использованием институциональных форм сотрудничества (универсальных международных организаций и форумов), опосредствующих абстракцию «международное сообщество».

В этом отношении непосредственные ассоциации вызывают «принципы мирного союза государств», связанные с именем Иммануила Канта, который в своем политико-философском трактате «К вечному миру» еще в 1795 г. охарактеризовал политико-правовые, культурные и философские основы будущего существования народов, выразив идею объединения государств: «Международное право должно быть основано

⁷ Историко-правовой взгляд на зарождение *jus cogens* см.: [Nieto-Navia 2003; Синякин, Скуратова 2018].

на федерализме свободных государств. ... Поэтому должен существовать особого рода союз, который можно назвать мирным союзом и который отличался бы от мирного договора тем, что последний стремится положить конец лишь одной войне, тогда как первый – всем войнам и навсегда. Этот союз имеет целью не приобретение власти государства, но лишь поддержание и обеспечение свободы каждого государства для него самого и в то же время – для других союзных государств, причем это не создает для них необходимости подчиниться публичным законам и их принуждению, но должно постепенно привести таким путем к вечному миру» [Кант 1994:18-19]. Союз государств, по мнению великого философа, мог бы позволить осуществлять контроль конфликтных ситуаций и предпринимать усилия по сохранению и укреплению мира между государствами.

Рассматривая последующие этапы с точки зрения отражения принципов в актах международного права, важно обратиться к уставу Лиги Наций, попытавшейся воплотить идеи Канта, провозгласив требования «уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целость и существующую политическую независимость всех членов Лиги», подчиняясь в случае нападения, угрозы или опасности нападения мерам по обеспечению выполнения этого обязательства, указанным Советом (ст. 10). При этом понималось, что «всякая война или угроза войны, затрагивает ли она прямо или нет кого-либо из Членов Лиги, интересуется Лигу в целом и что последняя должна принять меры, способные действительным образом оградить мир наций» (ст. 11). Предусматривалось обязательство разрешать любой возникший между членами Лиги конфликт третейским или судебным разбирательством, не прибегая к войне (ст. 12)⁸.

Вопрос об основных принципах в современной международно-правовой теории выступает предметом живого обсуждения, порожденного, очевидно, неоднозначностью анализируемого явления и в гораздо большей степени – нерасположенностью западной доктрины его внедрять

в мировое общественное сознание. Последняя, кстати, только возрастает с течением времени. И, надо сказать, в немалой мере подобное обусловлено нормативной практикой (как международной – договорной, так и внутригосударственной отдельных стран, в том числе и российской). В частности, в новейших документах международной направленности РФ появились некоторые нюансы, отнюдь не способствующие достижению устойчивости в укоренении сформулированного в вышеприведенных материалах концепта понимания такого термина, как «основные принципы». К примеру, Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» предусматривает налаживание международного сотрудничества в обозначенной сфере «на основе строгого соблюдения основных принципов и норм международного права, в частности, принципа суверенного равенства государств...» (курсив мой. – Л.А.). Другими словами, к понятию «основные принципы международного права», далеко не единодушно воспринимаемому в международно-правовой действительности, добавляется еще один «двучлен»: «... принципы и нормы международного права» (как будто основные принципы не есть нормы!). Дополнительным примером усложнения ситуации с терминологическим и содержательным аспектами в связи с понятиями принципов в международном праве служат положения заключенных РФ международных договоров. «Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» от 18.03.2014 г. предусматривает следующую юридическую основу взаимоотношений сторон договора: «...признавая и подтверждая принцип равноправия и самоопределения народов, закрепленный в Уставе Организации Объединенных Наций, ... в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, а также осознавая тесную взаимосвязь других основных принципов международного права, за-

⁸ Нет надобности, думается, особо акцентировать момент, что в основополагающих принципах поствоенного этапа (наступившего после Второй мировой войны) и принципах Лиги наций во многом отсутствует тождество или совпадение по юридическому содержанию, а иногда и идейной составляющей, поскольку назначение Лиги Наций и ее основы – общения между государствами-членами состояли не в защите общих ценностей участников объединения или их стремления к миру, а в обустройстве такого международного порядка, где превалировали интересы стран Антанты и союзных с ними государств. Однако и игнорирование последних как предтечи нынешних принципов международного права, закрепленных в Уставе ООН, ошибочно.

крепленных, в частности, в Уставе Организации Объединенных Наций и Хельсинкском Заключительном акте совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе...» (курсив мой. – Л.А.). В свою очередь в преамбуле учредительного акта интеграционного объединения – Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. при обозначении приверженности государств-членов «целям и принципам Устава Организации Объединенных Наций» также указывается на *другие общепризнанные принципы и нормы международного права*. Выделенные фрагменты дают дополнительные основания для раздумий, возникающих по поводу множасьей терминологии применительно только к одному разряду – основных принципов – принципов международного права.

Для отечественной правовой науки, которая активно пользуется рассматриваемым термином⁹, «основные принципы» международного права служат руководящими, основополагающими нормами императивного, обязывающего и неоспоримого характера и квалифицируются в качестве краеугольных положений международного права и изучающей его науки, хотя ни в положениях Устава ООН, ни в «Декларации принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях» (Хельсинкского заключительного акта СБСЕ) подобное словосочетание не присутствует. В то же время широко известен документ, в котором термин «основные принципы международного права» зафиксирован текстуально. Это резолюция Генеральной Ассамблеи ООН (далее – ГА ООН) от 24 октября 1970 г., содержащая «Декларацию о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций», которая не по формально-юридическим признакам, но по сути вопроса является своего рода кодификацией принципиальной основы международного права и гласит: «Принципы Устава, воплощенные в настоящей Декларации, представляют со-

бой основные принципы международного права, и поэтому (ГА ООН. – Л.А.) призывает все государства руководствоваться этими принципами в своей международной деятельности и развивать свои взаимоотношения на основе строгого соблюдения этих принципов». Однако приведенная квалификация не раскрывается.

В российских изданиях по международному праву уже отмечалось, что неразграничение основных и общепризнанных принципов международного права являет собой неоправданное введение в заблуждение [Ануфриева 2019a:186–197; Ануфриева 2019b:4–25]. Вместе с тем *некоторые контуры подобного* заложены семитомным «Курсом международного права», определяющим основные (общепризнанные) принципы международного права как «исторически обусловленные, основополагающие общепринятые нормы, выражающие главное содержание международного права, его характерные черты и обладающие высшей юридической силой» [Курс международного права...1989:5].

Иными словами, именно авторитетный доктринальный источник ставит знак равенства между понятиями «основные» и «общепризнанные» принципы международного права, в то время как на Западе, не углубляясь особо в доказательство сущности явления, предоставляемые советской, а сегодня российской наукой, предпочитают пользоваться понятием *jus cogens*. Правда, и в этом случае не все гладко: тождественность или кардинальное расхождение между *jus cogens* и «основными принципами» – далеко не праздные догадки или дилеммы, ответы на которые еще предстоит получить.

На фоне уже сказанного нелишне отметить, что и в отечественном правоведении обнаруживаются факты оспаривания в целом квалификации «основных принципов» международного права как обособляемой, специфической категории руководящих норм, выражающих его сущность. В частности, подвергая сомнению оправданность выделения понятия подобного рода, В.Л. Толстых [Толстых 2010:115–121]

⁹ Было бы неправильным, указав на распространение понятия «основные принципы международного права» в отечественной науке, не сказать все же о том, что оно является детищем советской теории международного права, которое присутствует также и в зарубежных международно-правовых исследованиях, большей частью принадлежащих авторам из стран так называемого «постсоветского пространства». Определенным исключением являются работы, олицетворяющие международно-правовую доктрину иных государств, например, публикации известного уругвайского юриста Эдуардо Хименеса де Аречага и прочих видных юристов-международников: А. Кассизи, выделяющего характерные отличительные черты основных принципов, и Г.В. Витцтума, М. Боте, Р. Дольцера и др. [Хименес де Аречага 1983; Витцтум и др. 2015; Cassese 2005:46–48].

вслед за зарубежной практикой высказывается предпочтение использованию вместо этого термина *jus cogens*¹⁰. Здесь нельзя не остановиться на немаловажном нюансе: западная наука, если брать подавляющее большинство ее представителей, как будто бы не ведает о наличии основных принципов, просто не замечая их существования, в то время как российский международник занимает весьма осмысленную позицию, возражая против анализируемого понятия [Толстых, 2010:115–121]. Правда, в конце концов, автор все же излагает в упомянутом сочинении свод международно-правовых принципов, преподносимых именно в таком качестве [Толстых 2010:126–152]. Зато последующая его работа вообще обходит стороной и термин «основные принципы» и их дифференциацию по отношению к *jus cogens*, именуя ранее перечисленные 10 главенствующих норм, «известных благодаря документу ООН в качестве основных принципов международного права», просто «принципами» и отводя им пять страниц текста. При этом, обращаясь к содержанию данного понятия, автор указывает: «Принципы международного права устанавливают ориентиры для правотворчества и толкования, а также непосредственно регулируют общественные отношения, особенно в случае пробелов. Некоторые принципы являются нормами *jus cogens* (запрет агрессии, право народов на самоопределение, некоторые права человека)» [Толстых 2018:159]¹¹.

Можно было бы, наверное, не слишком опасаться этих воззрений, так как они пока не имеют большого распространения или единодушного

выражения множества мнений российских ученых и как будто бы не формируют соответствующей тенденции в отечественном правоведении. К тому же сам автор «не согласен с собой». В вышедшей после публикации учебных изданий статье В.Л. Толстых, трактующей международное право как «продукт мифологизации», *jus cogens* отнесено не больше не меньше к «ритуалам», которые сопровождают «реализацию конкретных мифов» [Толстых 2019:40]. Признаем, что эта мысль как-то не очень созвучна предшествующим высказываниям. Более того, далее автор указывает на пороки международно-правовых «мифов», на первом месте в ряду которых стоят «логические противоречия, порожденные мифом»: «проигнорированная им реальность продолжает действовать и вызывать последствия, которые опровергают его. Так, идея суверенитета не в состоянии определить момент возникновения государства, объяснить значение и функции признания, установить природу норм *jus cogens* и обычного права... решить проблему самоопределения, обосновать связанность государства собственной волей и т. п., поскольку эти вопросы опосредованы не волей правительства, а другими факторами (например, концепция *jus cogens* выражает идею естественного права)...» [Толстых 2019:41]. Но если *jus cogens* – даже не сам «миф», а «ритуал», сопровождающий реализацию последнего, то на каком основании и какими средствами нормы *jus cogens* смогут заменить собой основные и вообще принципы международного права? Ни на один из вопросов, имеющих субстантивное значение, не дано ответов¹².

¹⁰ Было бы упущением не указать, что в мировой доктрине имеется немало существенной критики в адрес понятия *jus cogens*, причем со стороны весьма маститых исследователей международного права: Й. Броунли, Э. Д'Амато, У. Линдерфалка, Аби-Сааба и др. См. об этом: [Исполинов 2014:7–14]. Причем высказывания, к примеру, шведского специалиста У. Линдерфалка выступают одним из немногих фактов безоговорочного использования в связи с *jus cogens* квалификации и наименования «принцип» [Linderfalk 2008: 853, 859].

¹¹ Очевидно, что столь невнятное обозначение того, что есть «принципы» в международном праве, неминуемо ведет к скудным представлениям не только об их сущности, перечне и содержании, но и о сути явления, именуемого «императивными нормами общего международного права», – *jus cogens*.

¹² Кардинальной противоположностью этому служат высказывания шведского автора У. Линдерфалка, которого трудно упрекнуть в тех грехах, которые свойственны, по мнению В.Л. Толстых, юристам-международникам современной России: «низкий уровень аргументации, немногочисленность оригинальных разработок, институциональная деградация, тематический дисбаланс» [Толстых 2016:50], – в общем, отсталость, косность, ограниченность, непрофессионализм, приверженность прошлому, неспособность конкурировать с западными школами и т. д. «В качестве основы для своего анализа концепции *jus cogens* я приму два допущения. Во-первых, я буду считать самим собой разумеющимся, что на языке международного права термин *jus cogens* обозначает совокупность *правовых норм*. В этой степени исходная точка, выбранная для настоящей статьи, идентична той, которая используется для ст. 53 Венской конвенции. Согласно определению, содержащемуся в ст. 53, «[норма *jus cogens*] – это *норма*, принятая и признанная международным сообществом государств в целом как *норма*, отступление от которой не допускается и которая может быть изменена только последующей *нормой* общего международного права, имеющей тот же характер». Во-вторых, я буду считать, что норма *jus cogens* является типичной нормой, имеющей регулятивный характер» [Linderfalk: 857].

В свете сказанного настоятельно напрашивается ремарка: брошенные вскользь суждения, граничащие с поверхностностью, небрежение фундаментальной теорией международного права, нигилизм в отношении объективно требуемого для системы МП (чтобы не скатиться в хаос) инструмента регулирования – его основных принципов, – отсутствие в критике, пусть в ряде случаев даже и оправданной, конструктивных формулировок, проявляемые в приведенных фрагментах, значат гораздо больше, чем это кажется на первый взгляд. За рамками изложенного стоит подчеркнуть, что многое в цитируемых текстах лишний раз доказывает не просто неучтенность всех сторон изучаемых явлений и последствий выдвигаемых предложений, но прежде всего и *общую* нехватку научных разработок в данной области. В то же время важно повторить в связи с этим, что подходы к рассматриваемой проблематике внутри западной доктрины вовсе не гомогенны и имеют свои исключения. В качестве примера следует привести позицию А. Кассизи, который, во-первых, вполне определенно разделяет концепцию основных принципов, а во-вторых, квалифицирует фундаментальные / основные принципы как *jus cogens*, будучи одним из тех редчайших специалистов международного права, кто произвел подобное точно, ясно и достаточно детально [Cassese 2005:65–68].

Осуществляя же требующуюся разработку анализируемого аспекта, не мешает опереться на фундаментальные выводы известных советских ученых, предметно занимавшихся проблемами принципов международного права и именно основных его принципов. Так, Н.А. Ушаков, не колеблясь, констатирует: «Среди норм общего международного права выделяют его *основные нормы-принципы*. Основные принципы международного права – это такие нормы общего характера, в соответствии с которыми должны устанавливаться все остальные его нормы. Они являются исходными в системе международно-правовых норм и регулируют в обобщенном виде поведение в международных отношениях государств и иных субъектов международного права путем установления их основных прав и обязанностей» [Ушаков 1996:7]¹³. Не считая

оправданным безоговорочное введение уточнения «нормы-принципы», тем не менее необходимо определенно признать правоту представленных суждений, до сей поры не опровергнутую. Однако при этом стоит предостеречь от гиперболлизации «обобщенности» правил поведения государств и иных субъектов международных отношений, присутствующей в приводимой характеристике основных принципов международного права. Думается, данное обстоятельство способно породить заблуждение относительно регулятивной функции принципов, а именно способствовать представлениям о принципах МП как об абстракциях, оторванных от материальной основы и лишенных качества выступать регуляторами конкретных общественных (междувластных) отношений.

Принципиальная основа международного права, разумеется, не является застывшим формированием. Как отмечалось выше, нормы международного права, опосредствующие его основные принципы, объективны, исторически обусловлены и в своем развитии способны отражать потребности сообщества, испытывая на себе воздействие различных сил. Юристы-международники, специально обращавшиеся к данной проблеме, отмечают два пути уточнения, углубления и совершенствования международно-правовых принципов: а) конкретизация уже существующих нормативных элементов принципа без изменения их системы или «набора»; б) формулирование новых нормативных элементов в основных принципах [Игнатенко, Малинин, 1987: 8-9]¹⁴.

Соответствующей иллюстрацией являются, к примеру, принципы права международной безопасности, в котором на этапе его становления значительно менее выраженными были начала коллективной безопасности, равной безопасности; в понятие принципа всеобщей безопасности не включались аспекты экономической или экологической безопасности. Главный фокус его содержания концентрировался на военной безопасности. Однако с течением времени возникла настоятельность в расширении не только диапазона регулирования, но и, соответственно, содержания этого центрального правового положения

¹³ Более развернутую характеристику основных принципов см.: [Ушаков 1988].

¹⁴ В качестве примера первого из указанных векторов приводится определение агрессии, конкретизирующее такой нормативный элемент принципа неприменения силы, как запрет применять вооруженную силу. Вторым вариантом демонстрируется авторами на материале принципов неприменения силы и нерушимости границ посредством указания на обогащение их юридического содержания.

современного международного права. В дальнейшем вследствие ускорения темпов развития науки и техники, в частности биотехнологии, и значительного прогресса в геномной инженерии принцип содействия укреплению международной безопасности закономерно должен был вместить в себя и данный аспект. Во всяком случае еще в конце XX в. в Итоговом документе Венской встречи СБСЕ (1986 г.) подобное обстоятельство получило отражение: «Отмечая прогресс, достигнутый в исследованиях и разработках в области биотехнологии, и создаваемые ими возможности, государства-участники считают желательным расширить обмен информацией о законах и правилах, относящихся к аспектам безопасности геномной инженерии. Они будут поэтому способствовать консультациям и обмену информацией по правилам безопасности». То же можно сказать и в отношении такого аспекта всеобщей безопасности, как информационная безопасность, которой в международных документах и литературе последних десятилетий отводится значительное место.

На фоне всего изложенного ранее по поводу, в общем-то, бездоказательного отрицания потребности в понятии «основные принципы» применительно к международному праву привлекают к себе внимание творческие инициативы некоторых зарубежных ученых в части развития принципиальной основы данной системы права. Речь идет о выдвижении китайской международно-правовой доктриной концепции «сопрогрессирования» и условиях реализации его основных принципов [Yee 2001:15–38; Yee 2014; Сяньхэ Йи 2015]¹⁵ как передающей сущность современного международного права. Примечательно, что в представлениях о «базовом наборе» фундаментальных принципов «международного права сопрогрессирования», автор, во-первых, не отказывается от термина «основные принципы», а, во-вторых, включает их в «Пять принципов, «международного права сопрогрессирования», рассматривая их с правовой точки зрения, по сути, как принципы, закрепленные в Уставе ООН и Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и

сотрудничества между государствами 1970 г., которая, как указывалось ранее, и ввела в формулу «основные принципы» следующее: взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, взаимное невмешательство во внутренние дела, равенство и взаимную выгоду, мирное сосуществование [Сяньхэ Йи 2015:65–68]. Автор пишет: «В разгар «холодной войны» сущность заключалась в сосуществовании государств, в период разрядки международного напряжения – в их содействии (сотрудничестве), а сегодня, в эпоху после «холодной войны», – в сопрогрессировании». В предложенном термине, согласно трактовке, выдвинутой самим автором, нашли отражение основные черты этого права – всеобъемлющего (отсюда приставка со-) и ориентированного на осуществляемый разумными темпами прогресс, в первую очередь моральный и этический, цель которого – процветание человечества (отсюда сопрогрессирование) [Сяньхэ Йи 2015:57-58].

Отнюдь не разделяя все соображения, высказанные китайским ученым, надо сказать, что это явный рефрен «пяти принципов мирного сосуществования» (принципов «панча шила») 1950–1960-х гг., сначала закрепленных в индийско-китайских отношениях соглашением 1954 г. о Тибете, а затем вошедших в Конституцию КНР 1982 г.¹⁶ Во всяком случае налицо полное текстуальное воспроизведение всех пяти принципов. И хотя Сяньхэ Йи говорит о них как об основных принципах «международного права сопрогрессирования», которое идейно и хронологически выступает следующим этапом в развитии настоящего и грядущего международного права (т. е. приходящего на смену и «праву сосуществования государств», свойственному разгару «холодной войны», и «праву содействия / сотрудничества» эпохи разрядки международной напряженности), вряд ли можно согласиться с предположением о тождественности принципов, предназначенных для кардинально различающихся по сути периодов в функционировании международного права. Главным контраргументом выступает неясность, в чем же тогда заключаются отличия в этапах и, соответственно,

¹⁵ С точки зрения лингвистической есть, разумеется, вопросы к переводу термина на русский язык – в оригинале у автора, как видим, имеет место существительное со-progressiveness.

¹⁶ Не стоит при этом забывать, что указанное поначалу служило принципами внешней политики двух стран, а не международно-правовыми принципами универсального значения). Чуть позже данные принципы легли в основу итогового документа Бандунгской конференции 1955 г. и движения неприсоединения в целом.

новизна, воплощающая сущность конкретного этапа? При этом, если даже присоединиться к автору в его обозначении международного права современности как «международного права сопрогрессирования», думается все же, что удачнее выглядела бы иная версия наименования: «международное право содействия прогрессу и развитию в мире», поскольку ныне несомненно выявляются, с одной стороны, многополярность мира, а с другой – активное и, к сожалению, усиливающееся противостояние одних сил (групп государств) другим, что, как представляется, обуславливает необходимость возвращения в новой интерпретации *принципа мирного сосуществования*, только не двух систем – противоположных по идеологическим и так называемым «классовым» критериям, а по всей совокупности политических, социальных, экономических, «союзнических» и т. п. интересов или состоявшейся ангажированности групп государств. Вместе с тем, нельзя не заметить центрального момента: во всех составляющих представленной в китайской международно-правовой доктрине концепции (добавим к этому, что и в ряде подходов других специалистов тоже!) фигурирует обращение к разряду «основных принципов», которые, по замыслу автора, действительно необходимы для отражения краеугольных отличий эпохи и адекватного ей международного права. Тем не менее нельзя забывать о главнейшей характеристике принципов, тем более основных принципов, международного права: любой принцип должен быть выражен вовне нормативно, т. е. закреплен как главнейшая норма, что в настоящий период применительно к принципу «сопрогрессирования» отсутствует.

Здесь, кроме того, обращает на себя внимание существенное обстоятельство: с учетом наличия неординарных («когентных») норм международного права, как решается вопрос об их соотношении с основными принципами? Может ли категория *jus cogens* заменить собой основные принципы международного права? Ответ отрицательный: нет, не может. *Jus cogens* не идентично ни терминологически, ни содержательно, ни, что самое важное, функционально понятиям «принцип» и «основные принципы» международного права. Однако нельзя отрицать возможности в отдельных случаях интерпретировать содержание такого явления, как *jus cogens* через отсылку к основным принципам и наоборот.

Констатируя функциональную значимость основных принципов по сравнению с *jus cogens*,

необходимо подчеркнуть, что таковые составляют не просто элемент в системе международного права, но обеспечивают роль несущей конструкции и ориентира (векторов) развития. К этому нелишне добавить: будучи особой принадлежностью системы МП, отражающей его сущность, природу и отличительные черты как уникального феномена, основные принципы не могут исчисляться десятками. В свете изложенного тот их перечень, который существует в настоящее время, очевидно, не будет неизменным, но вряд ли оправдан прогноз на их активное и быстрое «размножение» в будущем. Во всяком случае искусственное подталкивание или торпедирование процессов подобного рода явно не способны принести нужные плоды.

В непосредственной связи с указанным находится и ответ на вопрос о юридической квалификации основных принципов и *jus cogens* с точки зрения иерархии норм международного права. Здесь первейшим для выяснения моментом служит дилемма: входят ли два этих понятия в одну и ту же категорию или нет? Говоря другими словами, возможно ли основные принципы относить к *jus cogens*, а понятие *jus cogens* автоматически распространять на «основные принципы», имея в виду, что ведь основные принципы не могут не обладать «когентностью»? С внешней точки зрения ответ вроде бы очевиден: сравниваемые понятия разнородны. И действительно, в современном международном праве далеко не все нормы *jus cogens* образуют «основные принципы», но, с другой стороны, последние в силу их значения для системы международного права не могут не быть «императивными нормами общего международного права» (*jus cogens*), хотя ни в доктрине, ни в практике международного права не замечено, чтобы представление о *jus cogens* как понятии международного права однозначно фокусировалось бы на «основных принципах». Вторым обстоятельством, подлежащим выяснению, служит вопрос об иерархическом положении основных принципов и *jus cogens* друг по отношению к другу, причем исходными являются две аксиомы: основные принципы обладают нормативностью, обязательностью, характером руководящих норм, наделенных высшей юридической силой, принадлежностью в целом к международному праву. Со своей стороны, *jus cogens* – безусловные императивные нормы «общего международного права». При этом нет доказательств того, что основные принципы подчиняются *jus cogens* либо наоборот – последнее превалирует над основными принципами.

В поисках убедительных подтверждений правильности того или иного ответа на данные вопросы следует обратиться к материалам Комиссии международного права ООН (КМП ООН). Правда, содержание подготовленных ею материалов далеко не всегда однозначно трактует затрагиваемые в настоящем аспекты.

В частности, и в 60-е гг. XX в., когда КМП готовила проект статей Венской конвенции о праве международных договоров, в рамках чего ею была предпринята разработка понятия *jus cogens*, и ныне, в ходе программно-целевой работы над темой *jus cogens*¹⁷, КМП руководствовалась критериями норм *jus cogens*, установленными еще в ходе создания в 1960-е гг. XX в. проекта статей конвенции о праве международных договоров 1969 г.¹⁸, в числе которых: императивность; общепризнанный характер («признание международным сообществом государств в целом»); принадлежность к «общему международному праву»; невозможность отступления в силу соглашения сторон; отражение и защита «фундаментальных (общечеловеческих) ценностей международного сообщества»; иерархически наиболее высокое положение по отношению к другим нормам международного права. Хотя данные критерии ныне фигурируют в материалах Комиссии в достаточно широких объемах (в заявлениях государств, докладах специального докладчика, при обсуждении внутри Комиссии и заключительных проектах, передаваемых в Шестой комитет ГА ООН, равно как и в ходе дебатов в самом Комитете), ряд из них оспаривается (в частности, применимость норм *jus cogens* в универсальном масштабе, наивысшая юридическая сила по сравнению с другими нормами международного права, способность защищать фундаментальные ценности, охраняемые международным правом).

Казалось бы, под данную категорию норм безусловно подпадает перечень принципов МП, содержащихся в Уставе ООН, которые именуются в ее документах как «основные принципы»:

неприменение силы и угрозы силой; уважение государственного суверенитета и суверенного равенства; требование мирного разрешения споров, невмешательства во внутренние дела других государств, равноправия и самоопределения народов и наций; сотрудничество, соблюдение международных договоров и обязательств как полностью отвечающие приведенным выше признакам. Однако по результатам рассмотрения в Шестом комитете ГА ООН осуществленной КМП работы над темой и обсуждения в Комиссии 4-го доклада Специального докладчика (A/CN.4/727) был, во-первых, поставлен вопрос о «региональном» *jus cogens*, а во-вторых, предложен для включения в выводы, представляемые в рабочий орган по выработке проекта заключительных положений по теме, *иллюстративный перечень императивных норм (jus cogens)* в виде приложения, но с уточнением относительно того, что список носит не исчерпывающий характер и ограничивается теми «императивными нормами общего международного права», на которые КМП ООН ссылалась ранее. Стоит напомнить, что речь о примерном перечне норм *jus cogens* шла еще на предшествующем этапе 1960-х гг. в рамках кодификации норм права международных договоров и уже тогда вызывала серьезные разногласия членов Комиссии и государств.

В поименованный перечень входят: а) запрещение агрессии; б) запрещение геноцида; в) запрещение преступлений против человечности; г) основные нормы международного гуманитарного права; д) запрещение расовой дискриминации и апартеида; е) запрещение рабства; ж) запрещение пыток; з) право на самоопределение¹⁹. Как видим, даже несмотря на упомянутые оговорки, содержание списка далеко от того, чтобы допустить, что Комиссия в какой бы то ни было мере исходила из алгоритма понимания *jus cogens* прежде всего как закрепленных Уставом ООН принципов, квалифицируемых как основные²⁰. Более того, последнее указание на *условие вхож-*

¹⁷ На своей 69-й сессии в 2017 г. Комиссия международного права ООН приняла решение об изменении формулировки наименования темы с «*Jus cogens*» на «Императивные нормы общего международного права (*jus cogens*)».

¹⁸ См.: Commentary to the Commission's 1966 Draft Articles on the Law of Treaties. – *Yearbook of the International Law Commission*. 1966. Vol. II. P. 247–249. URL: https://legal.un.org/ilc/texts/instruments/english/commentaries/1_1_1966.pdf (accessed 12.12.2020).

¹⁹ Обзор выводов, решений, принятых КМП ООН по теме *jus cogens* и другим вопросам в ходе 71-й сессии (29 апреля – 7 июня и 8 июля – 9 августа 2019 г.) см.: [Murphy 2020:68–86].

²⁰ К слову сказать, в связи с этим возникает еще одна сложность, обусловленная сомнениями в вопросе отнесения (либо неотнесения) к «основным» тех трех принципов, которые оформлены Заключительным актом СБСЕ 1975 г.: «нерушимость границ» (принцип III); «территориальная целостность государств» (принцип IV); «уважение прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений» (принцип VII). См.: Сборник действующих

дения в иллюстративный список норм, на которые Комиссия ссылалась ранее, вследствие чего, как следует догадываться, их статус в качестве норм *jus cogens* становится подтвержденным, еще сильнее обнажает загадку, почему Комиссия не обращалась к строго сформулированным предписаниям Устава ООН, опосредствующим принципы действительно «общего международного права», – его основные принципы. В этом плане думается, что даже подчеркивание ссылки на заведомую неполноту перечня не спасает положения. Не поддерживают какие-либо весомые аргументы также и оговорки о так называемых «частично когентных» или «не полностью когентных» нормах *jus cogens*²¹, выявленных также и среди некоторых принципов Устава ООН, благодаря чему можно было бы опровергнуть подобное допущение. Положение усугубляется тем, что примеры как раз такого рода присутствуют в иллюстративном списке (в частности, право на определение или запрещение агрессии, но не в выражении принципа неприменения силы или угрозы силой согласно формулировкам Устава ООН). Все изложенное, к тому же взятое в сочетании с такой совершенно абстрактной позицией

списка, как «основные нормы международного гуманитарного права», является в итоге достаточным для определения парадигмы отыскания ответа на поставленный вопрос. Она намечена констатациями: окончательные выкладки КМП ООН в этой части, пожалуй, еще далеки от завершения, а иллюстративный список посеял гораздо больше сомнений, чем внес разъяснения в понимание того, что есть анализируемый предмет, – нормы *jus cogens*. Что же касается гипотетического поиска путей гармонии и соединения рассматриваемых двух понятий: основных принципов и норм *jus cogens*, – которыми оперируют современные теория и практика международного права, резюмируя, скажем, что в разработках КМП ООН по теме «*Jus cogens*», пожалуй, больше имеет место недвусмысленное их «разведение» по разным сторонам, поскольку пока ничто не свидетельствует о постановке такой задачи или ее инициирования хотя бы в предварительном порядке.

Возвращаясь к тезисам о «когентности» и в целом о признаках «императивных норм общего международного права» (*jus cogens*), важно заметить, что дискуссия по этому поводу в рамках

щих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXI. Москва. 1977. С. 544–589. Представляется, что применительно к этому допустима расширительная интерпретация разряда «основных принципов» вне зависимости от того, что таковой зафиксирован Декларацией 1970 г. ООН, а перечисленные три принципа присутствуют в другом акте – «Декларации принципов, которыми государства-участники будут руководствоваться во взаимных отношениях» Хельсинкского акта СБСЕ 1975 г. В данном случае главный аргумент в пользу обозначенного подхода составляет следующее. Указанные три принципа представляют собой по сути правила, вытекающие, с одной стороны, из целей ООН и ст. 1 Устава (принцип уважения прав человека), а с другой стороны, из характеристики принципов неприменения силы и угрозы силой, нарушения государственных границ, невмешательства как включающих в себя недопустимость посягательств на суверенитет государств и территориальную неприкосновенность, равноправие, самоопределение и т.д. (принципы нерушимости границ и территориальной целостности). В свое время проблема связанности положений ст. 1 «Цели» и ст. 2 «Принципы» Устава ООН обсуждалась и была позитивно решена в таком ключе, что обязывающий характер принципов рассматривался не только с позиций самих их формулировок, но и с учетом провозглашенных Уставом ООН целей, которые корреспондировали обычно-правовым нормам международного права. В этом духе высказались и авторы фундаментального комментария Устава ООН [The Charter...2020:39-40]. Таким образом, руководствуясь логикой подобных соображений, можно признать оправданным включение принципов уважения прав человека, территориальной целостности и нерушимости границ в категорию *основных принципов* международного права.

²¹ Большая детальность суждений о способах приобретения нормой МП статуса *jus cogens*, отсутствие одномерности в подходах к «когентности» императивных норм характеризуют многие современные публикации иностранных авторов. В частности, Ю. Видмар считает, что императивная норма подлежит «двойному одобрению» международным сообществом государств в целом: принятию содержания нормы как таковой и принятию ее особого, т. е. «императивного» характера» [Vidmar 2011:25]. Откликаясь на положения ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров, Э. де Вет пишет: «По существу, это означает, что конкретная норма первоначально признается в качестве обычно-правовой нормы международного права, после чего международное сообщество государств в целом соглашается в дальнейшем с тем, что это есть норма, отступление от которой не допускается» [de Wet 2013:542]. В резюме по этому поводу Специального докладчика КМП ООН во 2-м докладе Комиссии по теме «*Jus cogens*» несколько иначе интерпретируются вышеупомянутые положения двух авторов: «Юре Видмар и Эрика де Вет предполагают, что требование о принятии и признании подразумевает «двойное согласие», поскольку такая норма сначала должна быть принята как «нормальная» норма международного права, а затем как его императивная норма». См.: International Law Commission: Second report on *jus cogens* by Dire Tladi, Special Rapporteur. URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=en/A/CN.4/706> (accessed 10.01.2021).

работы КМП носит детальный и чрезвычайно оживленный характер. В частности, подвергнутый всестороннему анализу аспект, касающийся специфики формирования «когентности» вскрывает не до конца познанные грани – прежде всего «стадийность» в ее формировании, а кроме того, и новые детали критериев, подлежащих установлению для квалификации «императивной нормы общего международного права» в этом качестве, не говоря уже о поистине важных нюансах, касающихся «принятия» либо «признания» последней со стороны «международного сообщества». Стоит указать здесь на присутствие расходящихся мнений, которые касаются разных ситуаций: простого одобрения правила поведения как «права» применительно к обычно-правовым нормам, случаев признания «цивилизованными нациями» общих принципов права, дифференциации *opinio juris*. Так, ныне различают *opinio iuris sive necessitatis* (осознание правила как юридической нормы или необходимости) и *opinio juris cogentis* (соблюдение правила как юридической нормы, от которой нельзя отступить). Кадельбах полагает, что в этом плане «большинство предложений строится на рельсах промежуточности. Наряду с этим практика государств и *opinio juris* необходимы в отношении признания самой нормы. Однако характер императивности, не допускающий отступления, т. е. *opinio juris cogentis*, может быть соответственно установлен критериями, содержащимися в праве договоров» [Kadelbach 2016:166]. Согласно же А. Пелле, присутствующее в ст. 53 требование о «принятии и признании международным сообществом в целом» «исключает принятие или тем более признание государствами поодиночке (один за одним)» [Pellet 1992:38].

3. Заключение

Приведенный материал, очевидно, демонстрирует, что рассмотрение принципов (основных принципов) международного права через призму их сопоставления с *jus cogens* в мировой доктрине на данном этапе в предметном порядке пока не состоялось²². Выше были высказаны предположения, проливающие свет на причины такого положения вещей, которые коренятся в

определенных концептуальных установках применительно к природе такого явления, как «принцип» в международном праве. В их свете многое становится более понятным, хотя и не способно вызвать согласие или поддержку. Например, не ясны основания, почему принцип запрещения агрессии объявляется нормой *jus cogens*, но такая квалификация не доводится до своего логического завершения, а именно: отсутствует формальное признание правила о неприменении силы или угрозы силой, неотъемлемой частью которого запрет агрессии и выступает, являющегося *основным принципом международного права*, как это следует из Устава ООН и Декларации 1970 г., – в качестве нормы *jus cogens* даже в разработках такого авторитетного органа ООН, занимающегося кодификацией норм международного права, как КМП ООН. Равным образом существует недоумение и по поводу того, что в нынешнем лексиконе материалов КМП, касающихся «императивных норм общего международного права» (*jus cogens*), слишком невелика – в противовес прошлому – доля дидактического присутствия принципов МП, зафиксированных в Уставе ООН (т. е. основных принципов).

Вместе с тем в своем существе движение в сторону иного, т. е. навстречу положениям, имманентным российской науке и схожим доктринальным тезисам, а также практике других государств, думается, не должно отвергаться в будущем. Оптимизм внушает тот факт, что существуют примеры обратного толка, когда в литературе высказываются позиции, непосредственно проводящие связь между принципами Устава ООН (основными принципами) и категорией норм *jus cogens*. К ним относится концепция А. Кассизи, *expressis verbis*, поддерживающая это [Cassese 2005:64–67].

Не стоит игнорировать и еще одно соображение: «свод *jus cogens*» не выступает «сводом» в собственном смысле этого слова (нормы, включаемые в данную категорию, разрозненны и в ряде случаев относятся не ко всей системе международного права, а доминируют в отдельных структурных его частях, – и это объективный факт), в то время как основные принципы, несомненно, видятся обладающими характеристикой устойчивого образования, т. е. *имеющими при-*

²² Примечательно, что в ходе работы по кодификации норм права международных договоров упоминавшийся ранее Комментарий КМП ООН к проекту статей Венской конвенции изобиловал не только ссылками на Устав ООН, но и в целом использованием термина «принцип» («принцип Устава» – преимущественно принцип неприменения силы и угрозы силой) параллельно с *jus cogens* (см., в частности, коммент. к ст. 49-50).

надлежность к международному праву в целом (отвечая, таким образом, требованию составлять корпус «норм общего международного права»). Следовательно, даже краткое углубление в сравнительно-правовую характеристику «основных принципов» международного права и *jus cogens* не дает оснований квалифицировать последнее в качестве принципов международного права и тем более констатировать тождественность двух явлений.

Указанные и иные отмеченные здесь обстоятельства порождают ряд вызовов для науки,

в том числе и критический взгляд на имеющееся сегодня положение дел в области понимания принципов международного права, а значит, и необходимость как их анализа с учетом отличий отечественной (российской) и западной доктрин в области установления сущности и содержания соответствующих международно-правовых правил поведения, так и поисков путей не то чтобы к примирению, но хотя бы к сближению точек зрения в коренных вопросах теории международного права, к каковым относится освещаемый в настоящем аспект.

Список литературы

- Абашидзе А.Х. 2017. Принципы международного права: проблемы понятийно-содержательного характера. – *Московский журнал международного права*. №4. С. 19–29. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-19-30>
- Алексидзе Л.А. 1970. Проблема *jus cogens* в современном международном праве. – *Советский ежегодник международного права*, 1969. М.: Наука. С. 127–149.
- Алексидзе Л.А. 1982. *Некоторые вопросы теории международного права. Императивные нормы. Jus cogens*. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета. 406 с.
- Аннерс Э. 1994. *История европейского права*. М.: Наука. 397 с.
- Ануфриева Л.П. 2019а. «Основные принципы» как категория международного права. – *Актуальные проблемы современного международного права: материалы XVI ежегодной международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И.П. Блищенко. В 3-х частях. Ч. 1*. Отв. ред. А.Х. Абашидзе, Н.Н. Емельянова. М.: Издательство РУДН. С. 186–197.
- Ануфриева Л.П. 2019б. Enigma российской Конституции 1993 года: «общепризнанные принципы и нормы международного права». – *Право. Журнал Высшей школы экономики*. №3. С. 4–25. DOI: [10.17-323/2072-8166.2019.3.4.25](https://doi.org/10.17-323/2072-8166.2019.3.4.25)
- Анцилотти Д. 1961. *Курс международного права: Введение – общая часть. Т.1*. М.: Издательство иностранной литературы. 447 с.
- Берман Г.Дж. 1998. *Западная традиция права: эпоха формирования*. М.: Издательство Московского университета. 624 с.
- Бобров Р.Л. 1968. *Основные проблемы теории международного права*. М.: Международные отношения. 272 с.
- Витцтум Г. [и др.]. 2015. *Международное право*. М. Инфотропик Медиа. 1072 с.
- Вылегжанин А.Н., Потье Т., Торкунова Е.А. 2020. К упрощению международного права через возрождение Устава ООН. – *Московский журнал международного права*. №1. С. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-1-6-25>
- Гегель Г.Ф.В. 1972. *Наука логики. В 3-х т. Т.3. Субъективная логика или учение о понятии*. М.: Мысль. 371 с.
- Игнатенко Г.В., Малинин С.А. 1987. Новые тенденции в международном нормотворчестве. – *Советский ежегодник международного права*, 1986. М.: Наука. С. 32–45.
- Исполинов А.С. 2014. *Jus cogens* в решениях международных и национальных судов. – *Российский юридический журнал*. №6. С. 7–14.
- Кант И. К вечному миру. – *Собрание сочинений в 8 томах. Т.7*. Под ред. А.В. Гулыги. М.: Издательство «Чоро». С. 5–56.
- Ключников А.Ю. 2020. Развитие международными судами общих принципов международного права для восполнения пробелов в обычном и договорном международном праве. – *Российский судья*. №1. С. 35–39.
- Курс международного права. В 7 т. Т.2. Основные принципы международного права*. Отв. ред. И.И. Лукашук. 1989. М.: Наука. 240 с.
- Нефедов Б.И. 2019. Принципы в международном праве: терминология. – *Московский журнал международного права*. №1. С. 6–17. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-1-6-17>
- Пушмин Э.А. 1980. О понятии основных принципов современного общего международного права. – *Советский ежегодник международного права*, 1978. М.: Наука. С. 72–85.
- Ромашев Ю.С. 1999. Некоторые подходы к определению условий формирования общепризнанных норм международного права. – *Российский ежегодник международного права, 1998-1999*. СПб.: Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева». С. 297–305.
- Семенов В.М. 1964. Принципы советского социалистического общенародного права. – *Правоведение*. №1. С. 16–26.
- Синякин И.И., Скуратова А.Ю. 2018. Нормы *jus cogens*: исторический аспект и современное значение для международного права. – *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. Вып. 41. С. 526–545. DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-41-526-545>
- Сяньхэ Йи. Международное право сопрогрессирования: общая характеристика, нормативное обоснование и некоторые основные принципы. *Российский юридический журнал*. №5. С. 56–70.
- Толстых В.Л. 2010. *Курс международного права*. М.: Волтерс Клувер. 1056 с.
- Толстых В.Л. 2016. Очерк современного состояния российской доктрины международного права. – *Элек*

- тронное приложение к Российскому юридическому журналу. № 3. С. 50–58. Доступ: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/%D0%A2%D0%BE%D0%BB%D1%81%D1%82%D1%8B%D1%85.pdf> (дата обращения: 12.12.2020)
26. Толстых В.Л. 2018. *Курс международного права*. М.: Проспект. 736 с.
  27. Толстых В.Л. 2019. Международное право как мифология. – *Российский юридический журнал*. № 2. С. 32–47.
  28. Тункин Г.И. 1983. *Право и сила в международной системе*. М.: Международные отношения. 200 с.
  29. Усенко Е.Т. 2008. *Очерки теории международного права*. М.: Издательство «Норма». 240 с.
  30. Ушаков Н.А. 1988. *Проблемы теории международного права*. М.: Наука. 191 с.
  31. Ушаков Н.А. 1996. *Международное право: основные понятия и термины*. М.: Издательство Института государства и права РАН. 48 с.
  32. Фогельсон Ю.Б. 2013. Мягкое право в современном правовом дискурсе. – *Журнал российского права*. №5. С. 37–48.
  33. Хименес де Аречага Э. 1983. *Современное международное право*. М.: Прогресс. 480 с.
  34. Черниченко С.В. 2020. Базовые принципы международного права: диапазон усовершенствования. – *Евразийский юридический журнал*. №5. С. 30–35.
  35. Alland D. 2019. *Manuel de droit international public*. 6-ème. éd. Paris: PUF. 320 p.
  36. Cassese A. 2005. *International Law*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 558 p.
  37. Crawford J. 2019. *Brownlie's Principles of Public International Law*. 9th ed. Oxford: Oxford University Press. 872 p. DOI: 10.1093/he/9780198737445.001.0001
  38. Dohna Gr. 1973. *Die Grundprinzipien des Völkerrechts über die freundschaftlichen Beziehungen und die Zusammenarbeit zwischen den Staaten*. Berlin: Duncker&Humblot. 292 s.
  39. *International Law*. Ed. by Malcolm D. Evans. 2nd ed. 2006. Oxford: Oxford University Press. 833 p.
  40. Kadelbach St. 2016. Genesis, function and identification of jus cogens norms. – *Netherlands Yearbook of International Law 2015*. Vol. 45. The Hague: T.M.C. Asser Press. P. 147–142. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-6265-114-2_6
  41. Kelsen H. 1952. *Principles of International Law*. New York: Rinehart&Co. 461 p.
  42. Linderfalk U. 2008. The Effect of Jus Cogens Norms: Whoever Opened Pandora's Box, Did You Ever Think About the Consequences? – *The European Journal of International Law*. Vol. 18. Issue 5. P. 853–871. DOI: 10.1093/ejil/chm044
  43. Mälksoo L. 2015. *Russian Approaches to International Law*. Oxford: Oxford University Press. 240 p.
  44. Murphy S. D. 2020. Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens) and Other Topics: The Seventy-First Session of the International Law Commission. – *American Journal of International Law*. Vol. 114. Issue. 1. P. 68-86. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2019.74>
  45. Nieto-Navia R. 2003. International Peremptory Norms (Jus Cogens) and International Humanitarian Law. – *Man's Inhumanity to Man. Essays on International Law in Honour of Antonio Cassese*. Ed. by Lal Chand Vohrah [et al.]. London; The Hague: Kluwer Law International. P. 595–640.
  46. Pellet A. 1992. The normative dilemma: will and consent in international law-making. – *Australian Yearbook of International Law*. Vol. 12. Issue 1. P. 22–53. DOI: <https://doi.org/10.1163/26660229-012-01-900000005>
  47. Shaw M.N. 2017. *International Law*. 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 1033 p.
  48. *The Charter of the United Nations. A Commentary*. 2nd ed. Vol. I. Ed. by B. Simma. 2020. Oxford: Oxford University Press. 895 p.
  49. Verdross A., Simma B. 1984. *Universelles Völkerrecht. Theorie und Praxis*. Berlin: Duncker&Humblot. 956 s.
  50. Vidmar Ju. 2011. Norm conflicts and hierarchy in international law: towards a vertical international legal system? – *Hierarchy in International Law: The Place of Human Rights*. Ed. by Erika de Wet and Jure Vidmar. Oxford: Oxford University Press. P. 13– 41. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199647071.003.0002
  51. Wet E. de. 2013. Jus cogens and obligations erga omnes. – *The Oxford Handbook of International Human Rights Law*. Ed. by D. Shelton. Oxford: Oxford University Press. P. 541-561. DOI: 10.1093/law/9780199640133.003.0024
  52. Yee S. 2001. Towards an International Law of Co-progressiveness. – *International Law in the Post-Cold War World: Essays in Memory of Li Haopei*. Ed. by S. Yee, W. Tieya. London; New York: Routledge. P. 18–39.
  53. Yee S. 2014. *Towards an International Law of Co-progressiveness. Part II: Membership, Leadership and Responsibility*. Leiden; Boston: Brill / Nijhoff. 386 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004289222>

References

1. Abashidze A. Kh. Printsipy mezhdunarodnogo prava: problemy ponyatiino-soderzhatel'nogo kharaktera [Principles of International Law: Conceptual and Substantive Problems]. – *Moscow Journal of International Law*. 2017. No. 4. P. 19–29. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-4-19-30>
2. Aleksidze L.A. *Nekotorye voprosy teorii mezhdunarodnogo prava. Imperativnye normy. Jus cogens* [Some Issues of the Theory of International Law. Peremptory norms. Jus cogens]. Tbilisi: Izdatel'stvo Tbilisskogo universiteta Publ. 1982. 406 p. (In Russ.)
3. Aleksidze L.A. Problema jus cogens v sovremennom mezhdunarodnom prave [The Problem of Jus Cogens in Modern International Law]. – *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1969* [Soviet Yearbook of International Law, 1969]. Moscow: Nauka Publ. 1970. P. 127–149 (In Russ.)
4. Alland D. *Manuel de droit international public*. 6-ème. éd. Paris: PUF. 2019. 320 p.
5. Annars E. Den europeiska rättens historia : några huvudlinjer (Russ. ed.: Annars E. *Istoriya evropeiskogo prava*. Moscow: Nauka Publ. 1994. 397 p.)
6. Anufrieva L.P. “Osnovnye printsipy” kak kategoriya mezhdunarodnogo prava [General Principles as a International Legal Category]. – *Aktual'nye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava: materialy XVI ezhegodnoi mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora I.P. Blisshchenko. V 3-kh chastyakh. Ch.1*. Otv. red. A.Kh. Abashidze, N.N. Emel'yanova [Contemporary problems of Modern International Law: materials of the XVI annual international scientific and practical conference dedicated to the memory of Professor I.P. Blisshchenko. In 3 parts. Part 1. Ed. by A.Kh. Abashidze and N.N. Emel'yanova]. Moscow: Izdatel'stvo RUDN Publ. 2019a. P.186–197. (In Russ.)
7. Anufrieva L.P. Enigma rossiiskoi Konstitutsii 1993 goda:

- “obshchepriznannye printsipy i normy mezhdunarodnogo prava”. [Enigma of the Constitution of Russian Federation 1993: “Generally Recognized Principles and Norms of International Law”] – *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki*. 2019b. No. 3. P. 4–25. (In Russ.). DOI: 10.17-323/2072-8166.2019.3.4.25
8. Anzilotti D. Corso di Diritto Internazionale (Russ. ed.: Anzilotti D. *Kurs mezhdunarodnogo prava: Vvedenie – obshchaya chast'*. T.1. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury. 1961. 447 p.).
  9. Berman H.J. Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition (Russ. ed.: Berman H.J. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta Publ. 1998. 624 p.).
  10. Bobrov R.L. Osnovnye problemy teorii mezhdunarodnogo prava [Fundamental Problems of the Theory of International Law]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1968. 272 p. (In Russ.)
  11. Cassese A. *International Law*. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 2005. 558 p.
  12. Chernichenko S.V. Bazovye printsipy mezhdunarodnogo prava: diapazon usovershenstvovaniya [Basic Principles of International Law: scope of improvement]. – *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2020. No. 5. P. 30–35. (In Russ.)
  13. Crawford J. *Brownlie's Principles of Public International Law*. 9th ed. Oxford: Oxford University Press. 2019. 872 p. DOI: 10.1093/he/9780198737445.001.0001
  14. Dohna Gr. *Die Grundprinzipien des Völkerrechts über die freundschaftlichen Beziehungen und die Zusammenarbeit zwischen den Staaten*. Berlin: Duncker&Humblot. 1973. 292 p.
  15. Fogelson Yu.B. Myagkoe pravo v sovremennom pravovom diskurse [Soft Law and the Modern Discourse of International Law]. – *Zhurnal rossiiskogo prava*. 2013. No. 5. P. 37–48. (In Russ.)
  16. Hegel G.F.W. *Nauka logiki. V 3-kh t. T.3. Sub'ektivnaya logika ili uchenie o ponyatii* [The Science of Logic in 3 volumes. Vol. 3. Subjective logic and the science of the concept]. Moscow: Mysl' Publ. 371 P.
  17. Ignatenko G.V., Malinin S.A. Novye tendentsii v mezhdunarodnom normotvorchestve [New Trends in the International Law making]. – *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1986* [Soviet Yearbook of International Law, 1986]. Moscow: Nauka Publ. 1987. P. 32–45. (In Russ.)
  18. *International Law*. Ed. by Malcolm D. Evans. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press. 2006. 833 p.
  19. Ispolinov A.S. Jus cogens v resheniyakh mezhdunarodnykh i natsional'nykh sudov [Jus cogens norms in judgments of international and national courts]. – *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2014. No. 6. P. 7–14. (In Russ.)
  20. Jiménez de Aréchaga E. El Derecho internacional contemporáneo (Russ. ed.: Jiménez de Aréchaga E. *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo*. Moscow: Progress Publ. 1983. 480 p.)
  21. Kadelbach St. Genesis, function and identification of jus cogens norms. – *Netherlands Yearbook of International Law* 2015. Vol. 45. The Hague: T.M.C. Asser Press. 2016. P. 147–142. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-6265-114-2_6
  22. Kant I. K vechnomu miru [Towards perpetual peace]. – *Sobranie sochinenii v 8 tomakh. T. 7*. Pod red. A.V. Gulygi [Collection of works in 8 volumes. Vol. 7. Ed. by AV. Gulyga] Moscow: Izdatel'stvo “Choro”. Publ. P. 5–56. (In Russ.)
  23. Kelsen H. *Principles of International Law*. New York: Rinehart&Co. 1952. 461 p.
  24. Klyuchnikov A.Yu. Razvitie mezhdunarodnymi sudami obshchikh printsipov mezhdunarodnogo prava dlya vospoleniya probelov v obychnom i dogovornom mezhdunarodnom prave [Development of the general principles of international law by international courts to fill gaps in customary and contractual international law]. – *Rossiiskii sud'ya*. 2020. No. 1. P. 35–39. (In Russ.)
  25. *Kurs mezhdunarodnogo prava v 7 tomakh. T.2: Osnovnye printsipy mezhdunarodnogo prava*. Otv. red. I.I. Lukashuk [The Course of International Law in 7 volumes. Vol. 2: General Principles of International Law. Ed. by I.I. Lukashuk]. Moscow: Nauka Publ. 1989. 240 p. (In Russ.)
  26. Linderfalk U. The Effect of Jus Cogens Norms: Whoever Opened Pandora's Box, Did You Ever Think About the Consequences? – *The European Journal of International Law*. 2008. Vol. 18. Issue 5. P. 853–871. DOI: 10.1093/ejil/chm044
  27. Mälksoo L. *Russian Approaches to International Law*. Oxford: Oxford University Press. 2015. 240 p.
  28. Murphy S. D. Peremptory Norms of General International Law (Jus Cogens) and Other Topics: The Seventy-First Session of the International Law Commission. – *American Journal of International Law*. 2020. Vol. 114. Issue. 1. P. 68–86. DOI: <https://doi.org/10.1017/ajil.2019.74>
  29. Nefedov B.I. Printsipy v mezhdunarodnom prave: terminologiya [Principles in International Law: terminology]. – *Moscow Journal of International Law*. 2019. No. 1. P. 6–17. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2019-1-6-17>
  30. Nieto-Navia R. International Peremptory Norms (Jus Cogens) and International Humanitarian Law. – *Man's Inhumanity to Man. Essays on International Law in Honour of Antonio Cassese*. Ed. by Lal Chand Vohrah [et al.]. London; The Hague: Kluwer Law International. 2003. P. 595–640.
  31. Pellet A. The normative dilemma: will and consent in international law-making. – *Australian Yearbook of International Law*. 1992. Vol. 12. Issue 1. P. 22–53. DOI: <https://doi.org/10.1163/26660229-012-01-900000005>
  32. Pushmin E.A. O ponyatii osnovnykh printsipov sovremennoego obshchego mezhdunarodnogo prava [Definition of the Main Principles of the General International Law]. – *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1978* [Soviet Yearbook of International Law, 1978]. Moscow: Nauka Publ. 1980. P. 72–85. (In Russ.)
  33. Romashev Yu.S. Nekotorye podkhody k opredeleniyu uslovii formirovaniya obshchepriznannykh norm mezhdunarodnogo prava [Several approaches to the Definition of the Terms of Formation of Generally Accepted Norms of International Law]. – *Rossiiskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava, 1998-1999* [Russian Yearbook of International Law, 1998-1999]. Saint Petersburg.: Sotsial'no-kommercheskaya firma «Rossiya-Neva» Publ. 1999. P. 297–305. (In Russ.)
  34. Semenov V.M. Printsipy sovetskogo sotsialisticheskogo obshchenarodnogo prava [Principles of Soviet socialist nationwide law]. – *Pravovedenie*. 1964. No. 1. P. 16-26. (In Russ.)
  35. Shaw M.N. *International Law*. 8th ed. Cambridge: Cambridge University Press. 2017. 1033 p.
  36. Sinyakin I.I., Skuratova A.Yu. Normy jus cogens: istoricheskiy aspekt i sovremennoe znachenie dlya mezhdunarodnogo prava [Jus Cogens: the historical aspect and contemporary value for international law]. – *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2018. Issue 41. P. 526–545. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/https://doi.org/10.17072/1995-4190-2018-41-526-545>

37. *The Charter of the United Nations. A Commentary*. 2nd ed. Vol. I. Ed. by B. Simma. Oxford: Oxford University Press. 2002. 895 p.
38. Tolstykh V.L. 2018. *Kurs mezhdunarodnogo prava* [Course of International Law]. Moscow: Prospekt Publ. 736 p. (In Russ.)
39. Tolstykh V.L. *Kurs mezhdunarodnogo prava* [Course of International Law]. Moscow: Wolters Kluwer. 2010. 1072 p. (In Russ.)
40. Tolstykh V.L. *Mezhdunarodnoe Pravo kak mifologiya* [International Law as Mythology]. – *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2019. No. 2. P. 32–47. (In Russ.)
41. Tolstykh V.L. *Ocherk sovremennogo sostoyaniya rossiiskoi doktriny mezhdunarodnogo prava* [The current state of the Russian doctrine of international law: an essay]. – *Elektronnoe prilozhenie k Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu*. 2016. No. 3. P. 50–58. (In Russ.) URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/system/files/%D0%A2%D0%BE%D0%BB%D1%81%D1%82%D1%8B%D1%85.pdf> (accessed 12.12.2020).
42. Tunkin G.I. *Pravo i sila v mezhdunarodnoi sisteme* [Law and Force in the International System]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 1983. 200 p. (In Russ.)
43. Usenko E.T. *Ocherki teorii mezhdunarodnogo prava* [Essays in the Theory of International Law]. Moscow: Izdatel'stvo «Norma» Publ. 2008. 240 s. (In Russ.)
44. Ushakov N.A. *Mezhdunarodnoe pravo: osnovnye ponyatiya i terminy* [International Law: basic concepts]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta gosudarstva i prava RAN Publ. 1996. 48 p. (In Russ.)
45. Ushakov N.A. *Problemy teorii mezhdunarodnogo prava* [Problems of the Theory of International Law]. Moscow: Nauka Publ. 1988. 191 p. (In Russ.)
46. Verdross A., Simma B. *Universelles Völkerrecht. Theorie und Praxis*. Berlin: Duncker&Humblot. 1984. 956 p.
47. Vidmar Ju. Norm conflicts and hierarchy in international law: towards a vertical international legal system? – *Hierarchy in International Law: The Place of Human Rights*. Ed. by Erika de Wet and Jure Vidmar. Oxford: Oxford University Press. 2011. P. 13–41. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780199647071.003.0002
48. Vitzthum W. [et al.]. *Völkerrecht* (Russ. ed.: Vitzthum W. [et al.]. *Mezhdunarodnoe pravo*. Moscow. Infotropik Media Publ. 2015. 1072 p.)
49. Vylegzhanin A.N., Potier T., Torkunova E.A. Towards Cementing International Law through Renaissance of the United Nations Charter. – *Moscow Journal of International Law*. 2020. No.1. P. 6–25. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2020-1-6-25>
50. Wet E. de. Jus cogens and obligations erga omnes. – *The Oxford Handbook of International Human Rights Law*. Ed. by D. Shelton. Oxford: Oxford University Press. 2013. P. 541–561. DOI: 10.1093/law/9780199640133.003.0024
51. Yee S. *Mezhdunarodnoe pravo soprogressirovaniya: obshchaya kharakteristika, normativnoe obosnovanie i nekotorye osnovnye printsipy* [The International Law of Co-progressiveness: the descriptive observation, the normative position and some core principles]. – *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*. 2015. No. 5. P. 56–70. (In Russ.)
52. Yee S. Towards an International Law of Co-progressiveness. – *International Law in the Post-Cold War World: Essays in Memory of Li Haopei*. Ed. by S. Yee, W. Tieya. London; New York: Routledge. 2001. P. 18–39.
53. Yee S. *Towards an International Law of Co-progressiveness. Part II: Membership, Leadership and Responsibility*. Leiden; Boston: Brill / Nijhoff. 2014. 386 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004289222>

Информация об авторе

Людмила Петровна Ануфриева,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

lpnufrieva@msal.ru

ORCID: 0000-0002-5132-879X

About the Author

Ludmila P. Anufrieva,

Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor at the Department of International Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

9, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, Moscow, Russian Federation, 125993

lpnufrieva@msal.ru

ORCID: 0000-0002-5132-879X